

Библиография

И. Ю. ВАСИЛЬЕВ

ПИСАТЕЛЬ, СОЕДИНИВШИЙ ЭПОХИ

Кирий Олекса. Моя жизнь. Краснодар, 2012. 196 с., ил.

Наверное, самым значимым событием конца 2012 года в литературной жизни Кубани стал выход мемуаров Олексы Кирия «Моя жизнь». Объемистая рукопись сохранилась в архиве внучки писателя К. А. Кирий. Пространное предисловие о теперь уже почти забытом литераторе написал известный исследователь кубанских литературных традиций профессор В. К. Чумаченко. Стоит сразу же сказать несколько слов и об удачно выполненной фотообложке, разработанной фотохудожником из Германии Аллой Хониг. В холодном, сыром и заснеженном лесу проступают черные стволы деревьев. Яркий квадрат света, направленный по воле художника к их корням, выхватывает из уютного зимнего предвечерья несколько не сбросивших золотую осеннюю листву ветвей. Это порождает сразу несколько ассоциативных образов, на языке символов говорит о красоте старости, о благородстве человеческой памяти и о фатальной обреченности художника на одиночество. Визуальный ряд и служит камертоном к книге, настраивает читателя на соответствующий лад.

Алексей Андреевич Кирий (1899–1954) – признанный корифей кубанской поэзии. Его имя впервые прозвучало еще в дореволюционном Екатеринодаре, где он приобрел известность сочинением украинских стихов, пьес и театральных рецензий (преимущественно на украинские спектакли, которые пользовались в казачьей столице большой популярностью). После прихода советской власти его поэтическая карьера продолжилась. Для многих он стал своеобразным связующим звеном между эпохами, хранителем традиций украинской кубанской литературы. И запомнился как заметная фигура периода, когда такие традиции официально приветствовались.

В опубликованных ныне воспоминаниях (написаны они в 1920–1940-е годы) можно разглядеть три основных содержательных пласта. Первый – непосредственные впечатления и воспоминания героя – очень ценная, на наш взгляд, часть мемуаров. Рассказ о тревожном ступе поезда, уносящего героя с родной Черниговщины на неведанную «хлебосольную» Кубань, о таинственном шуме горной реки, с которой поэт пошел знакомиться в день приезда, о тяготах трудоустройства и о зреющем в душе стремлении уйти от жестокой действительности в мир искусства.

Очень хорош рассказ о постановке первой пьесы автора в выселковском украинском драмкружке. Она называлась «Сибиряки». Огромный интерес к ней породил энтузиазм и у самого молодого драматурга, и у еще более молодых исполнителей. Их любовь к искусству, вера в то, что служение прекрасному способно изменить саму жизнь...

Попытки осуществить свою маленькую утопию, столь характерную для того времени... Утопии, которые потом выбросили как ненужные и вредные, которые старались стереть и принудительно заменить другой – общесоветской... Трогательные рассказы о жене, с которой писатель, действительно, был неразлучен. Благо, люди были простые, с юных лет хлебнувшие невзгод. Они прожили достойную и дружную жизнь, что уже тогда было, скорее, исключением, чем правилом для представителей «художественной среды».

Второй заметный пласт содержания, мы думаем, есть результат стилизации событий в духе сентиментальной, «селянской» эстетики, характерной для той части украинской литературы второй половины XIX века, которая провозглашала ориентацию на творчество Т. Г. Шевченко. Особенно поэтизируются воспоминания о собственном украинском периоде жизни на Черниговщине (повествование о любимице семьи – корове по имени Ласийка; о переживаниях первой любви, с которой пришлось расстаться; о том, как уже в Екатеринодаре уехавший из дома Олекса все писал печальные вирши о той первой своей возлюбленной, работнице Софийке).

Это, можно сказать, задавало стиль. В подобном лирическом духе Олекса Кирий сочинял и гораздо позже. Взять хотя бы его стихотворный сборник, вышедший в Краснодаре в 1926 году. В начале – несколько «ритуальных» стихотворений об Октябрьской революции, красноармейцах и прочих приметах времени, но остальные страницы заполняет характерная для автора «селянская» тематика. Ласковые, мелодичные, оставляющие в душе светлое чувство лирические стихи, которые, возможно, хорошо бы пелись под аккомпанемент украинских народных инструментов. А вот «большевистский» сборник О. Кирия «У ногу з днями» (1931), видимо недаром, не удался и был подвергнут жестокой критике. Не получалось у поэта «петь с чужого голоса».

Перейдем к третьему содержательному пласту воспоминаний поэта – революционно-большевистскому. Сам автор, хотя, скорее всего, и вынужденно, придавал ему очень большое значение. Отсюда – резко отрицательный показ «панов», якобы с раннего детства отравлявших жизнь мемуариста, и специфическая героизация мальчишеских проказ (лазить в сад за яблоками – уже «революционная деятельность»). И далее, в Екатеринодаре, – сплошные нелегальные кружки, подпольщики, задержанные полицией революционеры. Приехал погостить в родное село – опять организация революционного кружка, теракты против «панов» и тому подобное. Создается впечатление, что автор

стремится рассказать не столько о своей жизни и жизни Екатеринодара, сколько о революционной борьбе, которая в реальности была гораздо менее значима и для него, и для земляков. Что же хотел этим доказать мемуарист?

Хотел доказать то же, что и сборником «У ногу з днями»: что он советский писатель, а не «кулацкий подпевала», «махновец», «петлюровец» и пр. Певцу украинского села нелегко было отмыться от подобных обвинений, уйти от ярлыков – да и попросту уцелеть. Приходилось прикладывать немало усилий для создания спасительного, как он, скорее всего, считал, имиджа. К счастью, усилия оказались не напрасными. Сам Олекса Кирий не был репрессирован. Не узнал он и о том, что каток репрессий прошелся по его единственному сыну, унаследовавшему от отца влечение к литературе. Все это случилось гораздо позже, когда отца уже не было в живых, – пришлось на годы хрущевской «оттепели».

Писатель прожил не столь уж долго – сказывалось нервное напряжение. Ведь многолетнее ожидание репрессий иногда хуже самой расправы. Чего стоила такая ситуация, можно показать на одном из случаев писательской биографии.

Во втором номере журнала «Наступ» за 1931 год выходит верноподданническое стихотворение Олексы Кирия. И тут же по соседству – очередной разнос в его адрес, написанный молодым критиком Л. Грынем. В упрек поэту ставились как всегда: «селянство», недостаток оптимизма, также приступы депрессии, прорывающиеся в стихах. Все это недостойно пролетарского писателя, он обязан пребывать в непрерывном экстазе, восторгаться коллективизацией и индустриализацией!

О. Кирий состоял в украинском филиале Краснодарской ассоциации пролетарских писателей (которой и принадлежал журнал «Наступ»). В бытовом плане к нему в общем-то относились с почтением, но в литературном мире все строи-

лось иначе, поскольку тогда всю бесчинствовала рапповская критика. Вот и приходилось Олексе довольствоваться уже тем, что открыто не гонят, что позволяют изредка печататься, хотя при этом настойчиво учат «уму-разуму». Его, признанного старейшину кубанского поэтического цеха, увы, учили и поругивали постоянно.

Свертывание украинизации и запрет на украинский язык на Кубани стали трагедией для поэта. Но одновременно – и освобождением. Освобождением от оголтелой «советскости», штурмовщины, от диктата, столь жесткого в последние 3–4 года, когда форсированно проводившаяся на Кубани украинизация была вполне официально объявлена «инструментом обеспечения выполнения плана коллективизации и промфинплана». О каких-то интересах носителей украинской культуры почти уже не говорилось. Украиноязычным поэтам осталось переключаться для бандуры революционные марши, прославлять «линию партии», а также мощь вновь построенных заводов...

И Олекса Кирий окунулся в мир фольклора, в историю народов Кавказа и в пленявший его воображение эпос адыгов. Это гораздо естественнее касалось связи эпох. В послевоенном Краснодаре, среди членов местного филиала Союза писателей СССР он тоже казался неким символом. На этот раз – иным, транслировать «старую» эстетику и идеалы на Кубани того периода было уже практически невозможно.

К изложенному взгляду на основные пласты содержания новой мемуарной книги остается добавить только одно: выход книги воспоминаний поэта, как и продекларированное издателями желание продолжить публикацию книг на основе его архива, означает возвращение имени Олексы Кирия в историю кубанской литературы. Надеемся – в новом, исторически взвешенном качестве и в гораздо более полном объеме.

З. А. КУЧУКОВА

РАЗГОВОР НА РАВНЫХ

Вопросы культурологии: специальный выпуск. 2012. № 8. 88 с.

Хорошей традицией последних лет стал выход северокавказских ученых на всероссийскую научную арену с презентацией собственного этнокультурного «логоса и голоса». Совсем недавно мы презентовали журнал «Философские науки» (№ 1, 2011), целиком посвященный теоретическим и практическим вопросам кавказской идентичности. И вот вышел в свет спецвыпуск не менее авторитетных «Вопросов культурологии» (№ 8, 2012), полностью составленный из научных трудов гуманитариев Кабардино-Балкарской Республики. «Культурным эмиссаром» акции выступил доктор филологических наук, профессор Х. Тхагапсоев, из раза в раз доказывающий, что у науки своя география, в которой «столица» и «провинция» – понятия весьма условные.

Представляя читателю кавказский спецвыпуск, главный редактор журнала А. Агошков объяснил, что издание является частью большого проекта «Культурологические школы России» и его задача – «показать культурные процессы и состояния культурологической мысли в регионах страны». В приветственном слове, обращенном к читателям журнала, глава Кабардино-Балкарской Республики А. Каноков, коснувшись практической стороны культурологии, определяет КБР как республику, где «мечеть соседствует с православной церковью», где «глава республики – кабардинец, Парламент возглавляет Ануар Чеченов, балкарец по национальности, а Правительство – русский человек с немецкими корнями Иван Гертер» (с. 1). Здесь «во взаимовыпадении проживают пред-